

№31 2021
International independent scientific journal

ISSN 3547-2340

Frequency: 12 times a year – every month.
The journal is intended for researches, teachers, students and other members of the scientific community. The journal has formed a competent audience that is constantly growing.

All articles are independently reviewed by leading experts, and then a decision is made on publication of articles or the need to revise them considering comments made by reviewers.

Editor in chief – Jacob Skovronsky (The Jagiellonian University, Poland)

- Teresa Skwirowska - Wrocław University of Technology
 - Szymon Janowski - Medical University of Gdańsk
 - Tanja Swosiński – University of Łódź
 - Agnieszka Trpeska - Medical University in Lublin
 - María Caste - Politecnico di Milano
 - Nicolas Stadelmann - Vienna University of Technology
 - Kristian Kiepmann - University of Twente
 - Nina Haile - Stockholm University
 - Marlen Knüppel - Universität Jena
 - Christina Nielsen - Aalborg University
 - Ramon Moreno - Universidad de Zaragoza
 - Joshua Anderson - University of Oklahoma
- and other independent experts

Częstotliwość: 12 razy w roku – co miesiąc.
Czasopismo skierowane jest do pracowników instytucji naukowo-badawczych, nauczycieli i studentów, zainteresowanych działalnością naukową. Czasopismo ma wzrastającą kompetentną publiczność.

Artykuły podlegają niezależnym recenzjom z udziałem czołowych ekspertów, na podstawie których podejmowana jest decyzja o publikacji artykułów lub konieczności ich dopracowania z uwzględnieniem uwag recenzentów.

Redaktor naczelny – Jacob Skovronsky (Uniwersytet Jagielloński, Poland)

- Teresa Skwirowska - Politechnika Wrocławska
 - Szymon Janowski - Gdański Uniwersytet Medyczny
 - Tanja Swosiński – Uniwersytet Łódzki
 - Agnieszka Trpeska - Uniwersytet Medyczny w Lublinie
 - María Caste - Politecnico di Milano
 - Nicolas Stadelmann - Uniwersytet Techniczny w Wiedniu
 - Kristian Kiepmann - Uniwersytet Twente
 - Nina Haile - Uniwersytet Sztokholmski
 - Marlen Knüppel - Jena University
 - Christina Nielsen - Uniwersytet Aalborg
 - Ramon Moreno - Uniwersytet w Saragossie
 - Joshua Anderson - University of Oklahoma
- i inni niezależni eksperci

1000 copies

International independent scientific journal
Kazimierza Wielkiego 34, Kraków, Rzeczpospolita Polska, 30-074
email: info@iis-journal.com
site: <http://www.iis-journal.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Polishchuk V.

GENERAL ASPECTS OF STATE REGULATION OF
MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF
ENSURING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
THE COUNTRY3

PEDAGOGICAL SCIENCES

Akzholova A., Sakibayeva B.

DEVELOPMENT OF THE RESEARCH COMPETENCE OF
FUTURE TEACHERS OF PHYSICS BASED ON THE
INTEGRATION OF THEIR EDUCATIONAL AND
RESEARCH ACTIVITIES10

Tomashevskaya A.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИКИ
НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ИХ УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ10
PROFESSIONAL ORIENTATION IN ENGLISH LANGUAGE
TEACHING TO STUDENTS OF MEDICAL FACULTIES ...15

PHARMACEUTICS

**Gribkova E., Anolue Izuchukva Maikl,
Obivalina M., Gribkova A.**

COMPARATIVE ANALYSIS OF INFORMATION SOURCES
USED IN THE INTERACTION OF PARTICIPANTS IN THE
NIGERIA PHARMACEUTICAL MARKET18

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kamarova N.

SYMBOLIC IMAGES IN THE POEMS OF THE POETESS
FARIZA ONGARSYNOVA21

Misiura H.

FUNCTIONING OF LANGUAGE UNITS IN ELECTRONIC
RESUMES28

Kuanshalieva N., Kakishev M.

FEATURES OF USING INTERNET RESOURCES IN
ENGLISH LESSONS23

PHYSICAL SCIENCES

Antonov A.

IN ALL PHYSICS TEXTBOOKS AN ERRONEOUS VERSION
OF SPECIAL THEORY OF RELATIVITY IS GIVEN34

POLITICAL SCIENCES

Kaliyev I., Ichiev S.

DIASPORES AS AN OBJECT OF ETHNOSOCIAL
RESEARCH39

Kostenko O., Ametaev D.

CURRENT OSCE ACTIVITIES IN THE SPHERE OF
PEACEKEEPING48

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Melikyan L., Hakobyan N.

THE ROLE OF INNER SPEECH IN FOREIGN LANGUAGE
LEARNING53

POLITICAL SCIENCES

DIASPORES AS AN OBJECT OF ETHNOSOCIAL RESEARCH

Kaliyev I.,

*Candidate of Political Sciences, Professor,
NJSC «Toraighyrov University»
Republic of Kazakhstan,*

Ichiev S.

*NJSC «Toraighyrov University»,
Republic of Kazakhstan*

ДИАСПОРЫ КАК ОБЪЕКТА ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Калиев И.А.

*Кандидат политических наук, профессор
НАО «Торайгыров Университет»,
Республика Казахстан*

Ичиев С.

*НАО «Торайгыров Университет»,
Республика Казахстан*

Abstract

The current state of interethnic relations raises many questions among specialists in various branches of science. One of the most significant is the question of «diasporas», which are an integral part of any modern society.

The article raises the question of the importance of enhancing the role of the OSCE in managing crisis situations on the European continent against the background of an unprecedented deterioration in relations between the West and Russia.

Аннотация

Современное состояние межнациональных отношений вызывает у специалистов различных отраслей наук множество вопросов. Один из наиболее значимых – вопрос о «диаспорах», которые являются неотъемлемой частью любого современного общества.

The article establishes the signs, functions and classification of diasporas based on the works of representatives of domestic and foreign science, and also considers the features of the formation of diasporas in the post-Soviet space.

Keywords: *diaspora, ethnos, ethniccommunity, population, migration*

Ключевые слова: *диаспора, этнос, этническая общность, население, миграция*

Современный этап развития мировой политической системы характеризуется усложнением структуры различных взаимодействий и появлением новых влиятельных игроков в мировой политике. В полной мере вышеуказанное относится к диаспорам – сообществам мигрантов и их потомков, которые поддерживают связи с территорией происхождения и сохраняют собственное самосознание и культуру.

В конце XX – начале XXI веков произошло резкое увеличение государственных институтов, занимающихся проблематикой диаспор, что может являться косвенным подтверждением роста значимости диаспор в современном мире. В 1994-2014 годах количество различных государственных институтов в области отношений с диаспорами выросло почти в 3 раза, так что около 50% стран-членов ООН имеют хотя бы одно подобное учреждение. Существует ряд причин такого положения. Во-первых, государства стремятся взять под контроль финансовые поступления от мигрантов и их потомков. На первый взгляд кажется, что это незначи-

тельный объем средств. В среднем, такие мигрантские поступления составляют 2-3% ВВП стран. Однако для наименее развитых стран этот показатель поднимается до 9% ВВП [1]. В некоторых странах цифры еще выше. Например, 42% – в Таджикистане, 32% – в Киргизии, 29% – в Непале, 25% – в Молдове, 24% – в Лесото и Самоа. Поскольку наименее развитые страны с трудом притягивают инвестиции и неэффективно используют имеющиеся у них ресурсы, такой объем средств может заметно расширить их возможности. В 2018 году общий объем денежных переводов мигрантов в мире составил 689,4 млрд долларов США. Наибольшая часть личных денежных переводов была направлена в страны с низким и средним уровнем дохода: в 2018 году на их долю пришлось 76,8% совокупного объема переводов, что объясняется существенным числом эмигрантов из этих стран. По оценкам Всемирного банка, зарегистрированные денежные переводы, перечисляемые в эти две группы стран, в 2018 году составили 529,3 млрд долларов США. Они стали крупнейшим источником внешнего финансирования, превысив чистый

приток прямых иностранных инвестиций (461,9 млрд долларов США) и размер официальной помощи в целях развития (162,6 млрд долларов США в 2017 году) [2]. В связи с высокой значимостью денежных переводов для развивающихся стран мира в Цели устойчивого развития ООН №10 выделяется задача по сокращению к 2030 году операционных затрат, связанных с переводами мигрантов, до ме-

нее чем 3% от суммы совокупных денежных переводов. Отмечается, что снижение стоимости переводов позволит мигрантам экономить до 16 млрд долларов США ежегодно [3].

Крупнейшим межстрановым потоком переводов являются поступления из США в Мексику – 30,0 млрд. долларов США в 2017 году (Рисунок 1.2.1).

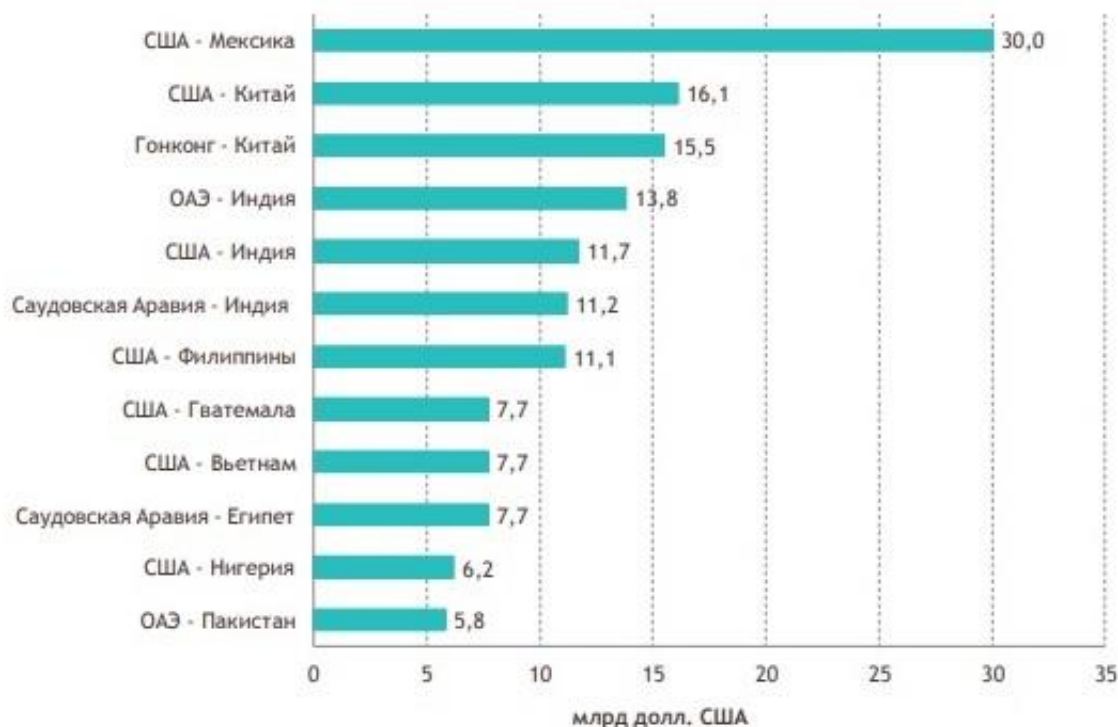

Рисунок 1.2.1 Крупнейшие межстрановые потоки личных денежных переводов мигрантов, млрд. долларов США, 2017 год.

К ключевым странам-донорам денежных переводов трудовых мигрантов традиционно относятся США, ОАЭ, Саудовская Аравия, Швейцария, Германия, Россия, Китай. Ключевые страны-реципиенты (получатели) денежных переводов трудовых мигрантов – это Индия, Китай, Мексика, Филиппины, Египет, Франция, Нигерия, Пакистан. По данным Всемирного банка, наиболее зависимыми от денежных переводов трудовых мигрантов последние пять лет являются страны Тонга (отношение поступлений к ВВП страны в 2018 году составило 35,2%), Киргизия (33,6%), Таджикистан (31,0%), Республика Гаити (30,7%) и Непал (28,0%). Ключевой страной-донором трансфертов для Киргизии и Таджикистана является Россия, откуда в 2017 году было отправлено более 75% всех переводов мигрантов в эти страны.

Вторая причина увеличения интереса к проблемам диаспор состоит в том, что многих государств заботит проблема «утечки мозгов». Для развивающихся государств непросто даются расходы на среднее и высшее образование, а отдачи нередко нет и вовсе. В общем объеме миграции растет доля и численность образованных и неординарных людей. Об этом косвенно свидетельствуют такие данные. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, за два десятилетия (1990-

2010) доля зарегистрированных обладателей патентов мигрантского происхождения выросла с 5% до 8-9% [4]. Кроме того, доля высококвалифицированных мигрантов (высшее образование, возраст от 25 лет) в общем объеме миграции выросла за 1990-2000 гг. на 5,1%, особенно за счет стран со средним уровнем дохода и небольших государств (с населением менее 25 миллионов человек) [5]. Из этого следует, что все больше людей с высшим образованием покидают свои страны, все больше мигрантов создает изобретения и инновации.

В-третьих, для поддержания идентичности жителей государств важно осознавать наличие родственных и дружественных сил по миру, это повышает статус самого государства и позволяет сделать вывод «мы не одни в этом мире». Другими словами, границы государства не совсем заканчиваются там, где они обозначены на карте: привязанность мигрантов к стране происхождения и институты двойного гражданства позволяют государствам фактически охватывать различные регионы и нередко приобретать квази-глобальный характер. И в этом смысле актуальна проблема соперничества: те государства, которые не обладают крупными диаспорами, стараются улучшить коммуникацию с мигрантскими сообществами, стремятся компенсировать собственное отставание. Другое дело, что

определенное размывание территориальности государств еще не означает их краха: вряд ли бы государства соперничали за пальму первенства в вопросе своего собственного ослабления.

В-четвёртых, сохраняют свое значение военно-политические и политико-дипломатические мотивы поведения государств. Диаспоры и мигрантские сообщества могут быть использованы в период конфликтов или обострения отношений между государствами. Любое продвижение интересов и отстаивание своей позиции подразумевает обмен информацией, диалогическое общение. Но этому предшествует получение информации. Практически любой мигрант, вне зависимости от причин его уезда из страны происхождения, способен ответить на вопросы о географии, расположении базовой социальной и культурной инфраструктуры, о текущей политической обстановке, а также об устойчивости позиций локальных лидеров и общества в целом. Эта информация крайне необходима в военно-политическом и дипломатическом планировании. В крайнем случае, представители диаспоры могут быть завербованы для предоставления разведывательной информации, проведения диверсионных операций, хотя это и рискованный вариант развития событий. Помимо предоставления информации, важным военно-политическим и дипломатическим направлением использования потенциала диаспор остается распространение информации, донесение альтернативной точки зрения до простых граждан страны пребывания и ее элиты. Каналов такого распространения достаточно много: представители диаспоры могут выступать с публичными заявлениями, создавать произведения искусства с выраженной политической позицией (литературные, музыкальные произведения), обучать заинтересованных истории и культуре страны происхождения. Но стоит отметить, что в данном процессе наблюдается и обратное явление – так называемый «политический евангелизм», когда представители диаспоры испытывают неприязнь к политическому режиму на Родине и готовы всячески ему противостоять. Это приводит к предоставлению органам власти государства пребывания достаточно предвзятой информации, обличения нарушения прав человека в стране происхождения. Именно на такой основе рекрутировались сотрудники американских радио «Свобода» и «Свободная Европа» в период холодной войны [6].

Возникновение диаспор как групп общин, стремящихся в инокультурном окружении к «чувству дома» [7], предполагает, что одной из основных целей диаспоры является создание и сохранение данного чувства, которое является производной от внутрикультурного коммуникационного поведения. Существование диаспоры предполагает, что члены ее общин стремятся к своей культуре, воспринимают ее как ценность, а, следовательно, согласно концепции, Дж. Берри, не растворены (не ассимилированы) в обществе страны пребывания, не маргинализированы [8]. Восприятие своей культуры как положительной ценности

предполагает наличие цели сохранения этнического самосознания и передачи его следующим поколениям. Стоит заметить, что поддержания особого отношения к родине, к «дому», к своей культуре крайне сложно без сохранения языка страны происхождения. «Родной язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычай, традиции, самосознание). Тем не менее, в реальности мы можем наблюдать ситуацию, когда многие отколовшиеся от своего этноса части, утратив частично или полностью родной язык, продолжают функционировать в качестве диаспоры» [9]. Важной составляющей достижения указанных целей будет стремление общин диаспоры к поддержанию контактов друг с другом [10]. Исторические особенности формирования и деятельности диаспор могут предполагать наличие и иных целей.

Функция есть «деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» [11].

Таким образом, функция системы есть проявление свойств системы во взаимодействии с другими объектами вне системы. Для диаспоры внешней средой является принимающее государство с его институтами. Данная система, следовательно, не может существовать вне контактов с принимающей страной, и особенность связей системы диаспоры и страны пребывания будет определять и функции диаспоры. Выполнение функций осуществляется при помощи институтов диаспоры. Функции диаспоры реализуются в определенных институтах, но не тождественны функциям общин диаспоры и ее институтов.

В самом общем смысле понятно, что диаспора будет выполнять функции представительства этнокультурной общности в различных сферах. Культурно-представительская функция заключается в ознакомлении принимающего этноса с культурой диаспоры, получении возможности реализации своих культурных черт в практической жизни, повышении статуса. Сюда примыкает и религиозно-просветительская функция, заключающаяся в получении возможности осуществления религиозной жизни, ознакомления других этнических групп с этой стороной жизни диаспоры. Усилия диаспор направлены и на защиту экономических интересов своих членов. Реализация этой функции приводит часто к закреплению определенных видов экономической деятельности за представителями той или иной диаспоры. Большое значение приобрели политические функции диаспор: попытки воздействия на влиятельные круги страны пребывания с целью изменения политики по отношению к диаспоре, к стране происхождения, к регионам страны происхождения. Функция представительства и защиты социальных прав реализуется в борьбе за права, закреплённые в хартиях ООН и законах страны пребывания.

Достижение целей и реализация функций диаспоры предполагает наличие ресурсов, которые передаются через «входы» и «выходы» системы –

инструменты взаимодействия со средой. При этом движение ресурсов направлено не только в диаспору, но и из диаспоры. Самый заметный и поддающийся учету показатель такого движения – денежные перечисления и переводы родственникам, оставшимся в стране происхождения. Повсюду – от России до Индии – «лакомый кусочек» денежных переводов радикально меняет отношение политиков к диаспорам: если раньше они просто не обращали на них внимания, то теперь начали их энергично «обхаживать» [12].

В современную эпоху большое значение приобрели информационные ресурсы. Сетевая структура организации позволяет диаспорам с большим значением общин в центрах политической и экономической жизни сравнительно быстро получать доступ к важной информации. Наличие связей представителя страны пребывания или страны происхождения в диаспоре позволяет получить доступ к этому виду ресурса. Сама диаспора обладает достаточно мощным организационным ресурсом, основанным на отличии культуры членов диаспоры от иных культур и на структурных особенностях организации: общая культура предполагает доверие, солидарность и позволяет быстрее достигать соглашения [13] в условиях сокращения социального капитала в гражданской и общественной жизни [14]. На определенном этапе своего развития диаспоры как транснациональные сообщества преобразуют организационные сети связей в действующую инфраструктуру, позволяющую интенсифицировать экономические связи страны исхода и страны пребывания [15]. Значимость базовой идентичности, основанной на культурных особенностях страны происхождения, равно как и потребность в материальных составляющих чувства дома, могут привести к возникновению экспорта культурных ресурсов самого разного профиля: от бытовых предметов до выступлений творческих коллективов страны происхождения.

Еще одним важным ресурсом является для диаспоры приток новых мигрантов в диаспору. Наличие процессов ассимиляции и физического старения предполагает потерю части членов диаспоры. Отсутствие притока новых членов может привести к упрощению системы и физическому вымиранию диаспоры. Однако, существование диаспоры возможно и без миграционного притока при условии благоприятной демографической ситуации в общинах и успешной деятельности институтов передачи базовой идентичности.

Активная государственная поддержка диаспор становится действенным и популярным трендом международной деятельности, позволяющим формировать выгодный символический образ и политический имидж страны. Правительства отдельных стран успешно эксплуатируют потенциал диаспор в процессе реализации своих внутренней или внешнеполитических стратегий и планов развития. Венгрия, Греция, Израиль, Индия, Ирландия, Китай, Польша, Франция – это государства, которые характеризуются довольно успешной и эффективной работой со «своими» диаспорами. С «чужими»

диаспорами, по экспертному мнению, наиболее эффективно взаимодействуют Соединенные Штаты Америки [16].

Взаимодействие диаспоры с принимающей страной в ограниченном смысле можно рассматривать с точки зрения международных отношений, а использование диаспор в качестве эффективного механизма влияния на принимающее государство для ряда современных стран становится реальной практикой. Несмотря на то, что диаспора, в отличие от национальных меньшинств, нормативно не защищена в стране пребывания, в своих коммуникативных связях с принимающим государством, она выступает в роли особого коллективного актора, с которым принимающая сторона нередко вынуждена считаться. Показательным примером является политически активная деятельность Америко-израильского комитета по общественным связям (AIPAC), который структурно тесно связан с еврейской диаспорой. Основное функциональное назначение AIPAC – проведение во внешней политике Соединенных Штатов Америки произраильского курса. Этой организации многократно удавалось блокировать инициативы Белого дома о выводе израильских войск с части оккупированных ими территорий (План Роджерса 1969 г.), препятствовать планам Г. Киссинджера в пересмотре США своей ближневосточной политики в 1975 г. и Дж. Буша о прекращении строительства поселений на «оккупированных палестинских территориях» [17] и т.д.

Другой пример – это деятельность многочисленной и хорошо организованной в ключевых американских штатах армянской диаспоры, которой в 1992 г. удалось пролоббировать принятие конгрессом США поправки к документу, который блокировал возможность оказания гуманитарной и иной помощи Азербайджану. Более того, после распада СССР армянское лобби в США добилось самой объемной гуманитарной помощи среди всех постсоветских республик. По сообщению Российско-армянского информационного агентства, от 29.09.2019 г., США предоставили Армении дополнительные финансовые ресурсы для проведения политических и социально-экономических реформ. Причем «финансовая помощь выделяется в дополнение к утвержденным 17,6 миллионов долларов из Фонда экономической поддержки и развития (ЕСФ). 1,5 миллиона долларов предоставляется на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, 600 000 долларов на международное военное образование и профессиональную подготовку и 1 миллионов долларов на финансирование иностранных вооруженных сил» [18].

В условиях, когда государства все больше нуждаются в своих диаспорах, а диаспоры приобретают самостоятельность, складываются институциональные треугольники «страна происхождения – диаспора – страна пребывания». Американский ученый Г. Шеффер отмечает наличие взаимоотношений каждой диаспоры как минимум с двумя государствами – «принимающим» и страной происхождения. Формируются отношения взаимозависимости, в рамках которых не только диаспоры

зависят от государств, но и наоборот. Такие отношения, вне всякого сомнения, не обходятся без конфронтации, основная роль в провоцировании конфликтов с диаспорами скорее принадлежит государствам, так как у них больше ресурсов и более широкая политическая повестка [19]. Институциональный треугольник с участием диаспор не всегда возможен: есть случаи, когда на территории происхождения не существует государства, родство и связь с которым ощущают представители диаспоры. Иными словами, этническая, культурная или расовая группа, идентичность которой сохраняют диаспора, в силу внутренних или внешних причин не смогла сформировать государство. В таких случаях активность диаспор заметно выше: это нередко проявляется в поддержке сепаратистских движений, внутригосударственных конфликтов и террористических организаций. Но в долгосрочной перспективе активность будет снижаться, особенно по мере приближения к восстановлению или созданию «своего» государства на территории происхождения.

Таким образом, позиция Г. Шеффера заключается в том, что логика развития мировой политики «вытягивает» локальные явления и социальные группы в мир отношений между государствами и, более того, формирует на этой основе устойчивые структуры и взаимосвязи.

Как было указано ранее, диаспора является важным транснациональным актором. Оптимальным представляется трактовка М. Дж. Эсмана, который предлагает рассматривать диаспору как транснациональное сообщество мигрантов, поддерживающее материальные и эмоциональные связи с территорией (страной) происхождения и одновременно адаптирующееся к ограничениям и возможностям принимающего общества [20].

Диаспора изначально формируются как сообщество, игнорирующее существующие границы и стремящееся объединить людей по признаку культурного бэкграунда (солидарность, идентичность, набор мифов). Поэтому деятельность диаспор носит транснациональный характер, а влияние осуществляется через транснациональные механизмы. Таким образом, диаспоры в полной мере соответствуют критериям (транснациональных) акторов мировой политики.

Исследователи Д. Джосселин и У. Уоллас выделяют следующие черты негосударственных акторов:

- значительная (вплоть до полной) степень автономности;
- участие в транснациональных сетях, пересекающих границы двух и более государств;
- политические последствия хотя бы для одного государства или международного института, вне зависимости от того, были ли такие последствия целью деятельности негосударственного актора [21].

Характерной особенностью транснациональных акторов является воздействие на конкретные государственные или общественные институты.

Израильские исследователи Й. Шейн и А. Барт выделяют ситуации (а М. Дж. Эсман их потом дополняет), когда диаспоры могут оказывать как прямое, так и косвенное влияние на мировую политику:

- текущий социальный статус в «принимающем» государстве не удовлетворяет диаспору;
- страна происхождения стремится выражать мнение всех представителей этноса, в том числе проживающих в других странах;
- действия в отношении диаспоры в «принимающей» стране могут отразиться на её взаимоотношениях с родиной членов данной диаспоры;
- диаспора стремится изменить внешнюю политику «принимающего» государства;
- диаспора склонна влиять на внешнюю политику страны происхождения [22];
- члены диаспор поддерживают транснациональные связи, что само по себе снижает контроль государств над некоторыми кластерами социальной жизни;

- государства могут воспользоваться ресурсами диаспор для достижения политических и экономических целей;

- диаспора может искать защиты от страны происхождения у «принимающего» государства при обострении конфликта со страной происхождения;

- диаспора становится активным участником экономического, культурного и политического развития своей Родины;

- представители диаспоры могут быть вовлечены в деятельность транснациональных преступных (в том числе, террористических) сетей [23].

Возможны ситуации, когда диаспоры формируют альтернативу политическому режиму страны происхождения, в том числе, правительства в изгнании, партии и общественные движения. Показателен пример Ж.-Б. Аристиды, свергнутого военной хунтой и вернувшегося на пост президента Гаити после изгнания. Возвращение главы государства стало возможным благодаря давлению гаитянской диаспоры США на администрацию Б. Клинтона и формированию на основе диаспоры альтернативных органов власти, за что признательный президент Аристид провозгласил диаспору десятым округом Гаити.

В большинстве случаев диаспора оказывает воздействие на мировую политику через конкретное государство. Несмотря на часто несправедливую миграционную политику и отдельные проявления ксенофобии, диаспоры не прерывают контактов с институтами «принимающих» стран. Более того, в долгосрочной перспективе обе стороны заинтересованы во взаимодействии. Многие диаспоры активно вовлечены в целые секторы экономики «принимающего» государства, а главное — они востребованы на рынке труда. С другой стороны, поддержание духовных и материальных связей со страной происхождения часто является механизмом консолидации, условно говоря, «сердцем» диаспоры.

Вне зависимости от национальной или конфессиональной принадлежности, человек, вынужденный или принуждённый покинуть свою родину и оказавшийся в другом этническом окружении, испытывает психологический стресс. Потеря своего жилья, работы, разлука с родными, друзьями – это все усугубляет и без того тяжелое психологическое состояние человека. Причем стресс этот вторичный. Первое шоковое состояние человек может испытать у себя на родине в результате угрозы физического насилия, этнического преследования или социального давления со стороны националистически настроенных представителей «титальной» нации, в связи тяжелого экономического положения и других негативных факторов.

Преобладание стрессовых и негативных причин вынужденной миграции в значительной степени влияет на психическое состояние этнических мигрантов. В связи с этим одной из главных функций диаспоры в этих условиях представляется функция адаптации. Особое место в этом плане занимает психологическая помощь диаспоры своим соотечественникам, попавшим в беду. Следует отметить, что своевременная помощь в процессе адаптации играет важную роль для обеих сторон, как для прибывающей, так и принимающей. Среди мигрантов могут находиться люди, имевшие на родине высокий общественный, политический или экономический статус и их вливание в национальную диаспору еще более укрепит и повысит её значимость. Воспроизводство за счет мигрантов для любой устойчивой этнической общины всегда являлось неременной задачей. В адаптационной функции диаспоры можно выделить бытовую, психологическую, социально-экономическую и социокультурную адаптацию.

Социокультурная адаптация представляется как процесс вхождения отдельного человека или группы в иноэтничную среду, сопровождающийся приобретением навыков, умений в различных сферах деятельности, а также усвоением ценностей, норм этой группы, где человек работает или учится и принятием их для создания линии поведения в новой среде.

Социокультурная адаптация мигрантов в новой среде носит более долговременный характер и проходит тем труднее, чем более устойчива и сплочена диаспора, что в свою очередь зависит от следующих факторов:

- историческая эпоха или период переселения (иммиграции);
- географическая, лингвокультурная, этноконфессиональная близость или дистанцированность между страной-донором и страной-реципиентом иммигрантов;
- прочность и интенсивность связей иммигрантов со страной исхода;
- степени компактности проживания, география расселения в иной стране;
- численности, возрастной и социальный состав диаспоры;
- активности ее внутренних организаций и объединений;

- наличия «цементирующего этноядра», наличие лидеров, способных консолидировать этническое ядро в форме организаций;

- наличие в стране этнической диаспоры на момент иммиграции.

Кроме психологической и моральной поддержки, осуществляемой в рамках диаспоры, этническим мигрантам оказывается существенная материальная помощь. И здесь немаловажным является факт принадлежности диаспоры к статусу «мировых», имеющих возможность оказать финансовую поддержку своим соотечественникам.

Можно с уверенностью утверждать, что диаспора, являясь универсальной формой, позволяющей одновременное существование в иноэтничном окружении и в среде своего этноса, облегчает адаптацию прибывших соотечественников. Стоит отметить, что значение этой функции возрастает в период вынужденной, а не естественной миграции, когда у этнических мигрантов проявляется одна из наиболее сильных психологических особенностей – желание вернуться на родину.

Адаптационная функция имеет две взаимосвязанных направленности: внутреннюю и внешнюю. То есть адаптация этнических мигрантов осуществляется в рамках диаспоры и в то же время велико значение диаспоры как принимающей стороны своих соотечественников извне. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением тех исследователей, которые принижают роль адаптационной функции диаспор, связывая это с тем, что современная диаспора рассматривается как временное прибежище человека, у которого только два пути: или вернуться назад на родину или полностью ассимилироваться в новой социокультурной среде.

Другой основной или наиболее распространенной внутренней функцией этнических диаспор можно назвать «сохраняющую» функцию, которая включает в себя следующие признаки:

- сохранение языка своего народа;
- сохранение этнонациональной культуры (обряды, традиции, жизненные устои, домашний уклад, танцы, песни, праздники, национальная литература и т.д.);
- сохранение определенной конфессиональной принадлежности;
- сохранение этнического самосознания (национальная идентификация, этнические стереотипы, общая историческая судьба).

Функция сохранения материальной и духовной культуры имеет важное значение для диаспоры. При этом в одних случаях она самопроизводна. Это особенно проявляется в компактных поселениях этнических групп, где сильны традиции народа и где общение осуществляется преимущественно на родном языке. В других случаях сохранение языка и других основ культуры ведется с привлечением дополнительных средств, таких как создание национальных школ, выпуск специальных газет, журналов, теле- и радиопередач, организация выступлений различных фольклорных коллективов и другое. И в том и другом случае важным фактором сохранения национальной культуры является

приток новых мигрантов с исторической родины. Помимо этого, диаспора лучше сохраняет себя в окружении другой культуры благодаря объективному и субъективному факторам, к которым соответственно можно отнести активную деятельность общественных объединений и организаций, возглавляемых авторитетными лидерами, внутреннюю мобилизацию, терпимое отношение титульного населения, и некое этнопсихологическое ядро, под которым понимается этническое самосознание.

При анализе внешних функций диаспор, необходимо отметить, что они более многочисленны и разнообразны, чем внутренние. Сюда можно отнести взаимодействие в области экономики и политики, осуществляемое между страной-донором, страной-реципиентом и самой диаспорой. При этом экономические и политические отношения между ними, в отличие от контактов в сфере культуры не находятся в прямой зависимости от национальных особенностей тех или иных народов.

Современные концепции этнической экономики исходят главным образом из того, что иммигранты в новой стране оказывают зачастую в ущемленном положении, но в то же время обладают рядом преимуществ в виде дополнительных этнических ресурсов, суть которых составляет сетевая организация, построенная и действующая по принципу общности крови (этнодиаспорная сеть) или месту происхождения (земляческая сеть). Диаспоры играют в экономике стран-реципиентов непропорционально значимую, исходя из их численности в составе населения, роль, что объясняется целым рядом причин [24]:

- обладание специфическими трудовыми навыками, которые связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами, сформированными в течение многих веков под действием географических, климатических и социальных условий. Хозяйственно-культурный тип – это комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся у различных народов, находящихся на одном уровне социально-экономического развития и в сходных естественно-географических условиях [25].

- наличие стартового финансового капитала у иммигрантской общины, что даёт возможность дальнейшей концентрации собственности и ведет к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики;

- особенности половозрастной, социально-профессиональной структуры и социально-психологических параметров иммигрантов. Среди людей, принявших решение начать новую жизнь в иной стране, как правило, преобладают физически здоровые мужчины, со средним или высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией, энергичные и предприимчивые по складу характера, поэтому предпринимательская активность иммигрантской (диаспорой) группы может превышать средний показатель в окружающем социуме;

- корпоративность как преимущество в экономической деятельности. В то время как окружающий социум индивидуализирован, представители

диаспор используют преимущество корпоративности. При этом корпоративность может быть, как внутренней, так и внешней. Внутренняя корпоративность проявляется во взаимопомощи, которую члены диаспоры оказывают друг другу. С развитием международной интеграции все большее значение приобретает внешняя корпоративность. Диаспора может быть связана с множеством разного рода общностей: государством – местом исхода, материнским этносом, родственными диаспорами в иных странах. Вследствие этого диаспоры могут лоббировать экономические интересы общностей, с которыми связаны, и, в свою очередь, получать от них экономическую помощь [26].

В экономике многих стран, где имеются различные диаспоры, все большую силу набирает такой феномен как этническое предпринимательство, связанное с определенными видами деятельности различных диаспор. В начале XIX века выходцы с Гаити на Кубе специализировались на производстве кофе, который был мало известен на острове как сельскохозяйственная культура. В 70-е годы XX века корейцы городских диаспор Латинской Америки контролировали торговлю готовой одеждой. В Древнем Египте дальнейшее мореплавание являлось специфической областью деятельности этнических финикийцев. Например, китайцы заняты преимущественно торговлей товарами китайского производства, кроме этого они выполняют работы в сельском хозяйстве. Китайские деловые сети практически неуязвимы для неблагоприятных внешних воздействий, легко адаптируются к любым изменениям условий окружающей среды и, если потребуется, восстанавливаются на новом месте в довольно короткий срок. Корейцы, арендуя земли для выращивания овощей, впоследствии занимаются продажей салатов и приправ. Торговля «южными» фруктами и овощами осуществляется, а нередко и контролируется в основном представителями азербайджанской, армянской, грузинской и других диаспор. Удачно используя особенности своей национальной кухни, представители этих национальностей открывают небольшие кафе, закусочные, а также рестораны. Вдоль автомагистралей выстраиваются разнообразные придорожные кафе с армянской, грузинской кухней. То есть этнические мигранты стремятся занять свободные экономические ниши, которые вовсе необязательно являются «престижными». С течением времени, накопив более солидный капитал, этнические предприниматели расширяют сферу своей деятельности или переключаются на другой бизнес.

В принимающем государстве этнические предприниматели-мигранты стоят перед задачей определения и занятия экономической ниши, обычно имеющих, по мнению некоторых экспертов, четыре вида [27]. Первая ниша – поставка, производство и реализация этнических потребительских товаров для внутренних нужд общин этнических мигрантов. Вторая ниша связана с поставкой этнических товаров для коренного населения – предложение экзотики на местном рынке. Третья ниша – удовле-

творение местных потребностей в услугах, необходимых потребителю, в условиях переселения на постоянное место жительства. Четвертая ниша – заполнение слабозащищённых рынков, а также занятость в непрестижных сферах экономики. Многие этнические меньшинства, попадая в новую среду, могут найти экономические ниши, ранее им не свойственные, и начинают осваивать совершенно незнакомые виды деятельности. «Ниширование» экономической деятельности диаспоры может не совпадать с вышеперечисленными видами предпринимательской деятельности иммигрантского сообщества. «Ниши» эти могут быть разными, но практически все они максимально отдалены от того, что даёт в принимающих странах наиболее высокий статус и престиж – земли и власти [28].

Не менее значимы в последнее десятилетие политические функции, выполняемые рядом национальных диаспор. Так, деятельность некоторых организаций сосредоточена на поддержании целей независимости (абхазская диаспора), другие – выступают как оппозиция правящему режиму (таджикская, узбекская, туркменская). Политическая функция проявляется в форме лоббирования интересов диаспоры, а также в разнообразных мерах, предпринимаемых диаспорой с целью получения ею дополнительных прав и гарантий. Диаспоры, а вернее, их многочисленные организации, очень часто выступают также в качестве силы, оппозиционной правящему режиму своей исторической родины, с этой целью они используют самые разнообразные средства – от издания газет до формирования общественного мнения с целью борьбы с неприемлемыми для них политическими силами. Но диаспоры, выдвигая те или иные требования, воздействуют и на «международные позиции страны проживания» [29].

В качестве примера политического влияния можно привести армянскую диаспору. Именно благодаря активной деятельности армянских общественных и политических организаций во многих странах уже признали Геноцид. По состоянию на 1 января 2020 года Геноцид армян признали и осудили 39 государств, в том числе Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация, а также ведущие страны Европы, Латинской Америки и Ближнего Востока. Армянская диаспора, кроме того, лоббирует интересы не только диаспоры, но и Республики Армения. Страны, где проживает много этнических армян, как правило, проводят дружественную политику по отношению к Армении, так как организованные группы диаспоры могут влиять на внутриполитические процессы. Многие кандидаты в президенты и политические партии в ходе предвыборных кампаний обращаются к представителям диаспоры, обещая помочь им в достижении тех или иных целей. Естественно, любой политик исходит в первую очередь из интересов государства, а не отдельных групп его населения. Однако при значительном политическом весе той или иной группы с ее мнением и интересами приходится считаться.

Другая функция диаспоры, имеющая важную социальную значимость, носит двойственный характер интеграции и дезинтеграции. Этническая принадлежность, традиционная культура, этноконфессиональные особенности, специфика менталитета и национальный язык объединяют и разделяют людей. Интеграция способствует сохранению, дезинтеграция – ослаблению стабильности, устойчивости личности, отдельных социальных групп и общества в целом [30].

Но наиболее распространённой функцией диаспоры следует указать культурно-просветительскую функцию. Ведь именно в сфере культуры сосредоточены все основные отличительные особенности народов. У народов, оказавшихся в иноэтничном окружении, отсутствуют такие объективные факторы как территория, политико-юридические институты, а также устойчивый хозяйственный уклад. В этих случаях особая роль принадлежит субъективно-психологическим компонентам, таким как система ценностей, включающая сильное групповое национальное или этническое самосознание, сохраняющееся долгое время, мифологизацию потерянной родины, религиозные убеждения, особенности фольклора, язык, обладающий этнической спецификой и т.п.

Последствия деятельности диаспор в качестве акторов мировой политики предсказать сложно. Высказывается предположение, что миграционные процессы размывают структуру нация-государство, поскольку нация утрачивает привязку к территории, и тем самым «глобализируется». Происходит процесс формирования глобальных наций [31]. С другой стороны, этническое и культурное разнообразие в мире не исчезает. Значит, идёт формирование новых гибридных политических структур и механизмов удалённого управления [32].

Таким образом, диаспоры могут влиять на мировую политику, используя разнообразные механизмы. В большинстве случаев диаспоры добиваются своих целей путём воздействия на государства, что, однако, не исключает самостоятельности таких сообществ. В некоторых случаях диаспоры являются не только инициаторами взаимодействий, но и обеспечивают их длительность. Отчасти для выполнения подобных задач внутри диаспор существует своеобразная элита, которая формулирует интересы всех соотечественников и вырабатывает стратегию своей деятельности для достижения конкретных результатов. Эта группа внутри сообщества оперирует социально-политическим и гуманитарным ресурсом влияния. При определённой численности сообщества, наличии политического и экономического потенциалов, всё вышеперечисленное характеризует диаспору как актора мировой политики.

Таким образом, исторический вклад диаспор в международные отношения и их сегодняшний потенциал позволяют определять современную диаспору не только как форму существования сообществ, сложившихся по этнокультурным признакам и проживающих за пределами исторической

родины, но и как значимый внешнеполитический/экономический ресурс, инструмент влияния на национальном и международном уровнях. Переосмысление стратегий взаимодействия со своими диаспорами за рубежом на сегодняшний день принципиально практически для всех государств, но в первую очередь для тех, кто стремится к лидирующим позициям в современной мировой политике и успешному продвижению национальных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ketkar S.L., Ratha D. Diasporabondsfor-fundingeducation // MigrationLetters. – 2011. – Vol. 8. – № 2. – P. 156-166.
2. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2019 год // URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2019/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2019-Russian.pdf>
3. Remittance prices worldwide // URL: <https://remittanceprices.worldbank.org/en/about-remittance-pricesworldwide>
4. Miguelez E. Inventor Diasporas and the Internationalization of Technology // The World Bank Economic Review. – 2016. – P. 7-9.
5. Docquier F., Rapoport H. Globalization, Brain Drain, and Development // Journal of Economic Literature. – 2012. – Vol. 50. – № 3. – P. 684-685.
6. Auten B.J. Political Diasporas and Exiles as Instruments of Statecraft // Comparative Strategy. – 2006. – Vol. 25. – №4. – P. 330-337.
7. Brah A. Cartographies of Diaspora, Contesting Identities. – L.-N.Y., 1996.
8. Berry J.W. Conceptual Approaches to Acculturation // Acculturation. Advances in Theory, Measurement and Applied Research / Ed. by K.M. Chan. – Washington, 2002.
9. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – 1996. – № 12. – С. 39.
10. Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora. – 1996. – 5 (1). – P. 14.
11. Большой энциклопедический словарь (БЭС). URL: <http://www.b-e-s.ru>
12. Kapur D., McHale J. Migration's New Payoff // Foreign Policy. 2003. Issue 139.
13. Kotkin J. Stämme der Macht. Der Erfolgsweltweiter Clans in der in Wirtschaft und Politik. Reinbek: Rowohlt, 1996.
14. Florida R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. – N.Y., 2004.
15. Faist Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Clarendon Press, 2000.
16. Боришполец К.П. 2011. Миридиаспоры. Доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/216064/>
17. Лозанский Э.Д. Этноты и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.: Международные отношения. – 2004. – С. 115-116.
18. Российско-армянское информационное агентство. Доступ: <https://rusarminfo.ru/2019/09/27/sshauvelichili-finansovuyu-pomoshh-armenii>
19. Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – New York, 2003. – P. 192-199.
20. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Polity Press, 2009. – P. 19-20.
21. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework // Non-State Actors in World Politics. Ed. by D. Josselin and W. Wallace. – New York: Palgrave, 2001. – P. 3-4.
22. Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory // International Organization. – 2003. – No. 57. – P. 453-454.
23. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Polity Press, 2009. – P. 121-131.
24. Ким Г.Н. Основы диаспорологии. Учебное пособие. Алматы. Казак университети. – 2018. – С. 167-168.
25. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 3-17.
26. Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия, 2006. – № 7. – С. 65-68.
27. Радаев В.В. Экономическая социология. – М., 1998. – С. 85.
28. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры, 1999. – № 1. – С. 8-23.
29. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – М., 1996. – № 12. – С. 40.
30. Ким Г.Н. Основы диаспорологии. Учебное пособие. Алматы. Қазақуниверситеті. – 2018. – С. 167.
31. Varadarajan L. The domestic abroad: diasporas in international relations. – New York, 2010. – P. 22.
32. Kunz R. The Discovery of the Diaspora // International Political Sociology. – 2012. – №6 (1). – P. 104.